

Шэнь Мин убил двоих солдат, а последствия этого поступка оказались слишком велики — его в конечном итоге передали командиру войск, Юй Шаоюану. В большом шатре воцарилась тишина, и угли в медной печи тихо раскалились, наполняя пространство паром. Юй Шаоюан, с пурпурным опахалом на голове, выглядел крайне серьезным, а Тан Мэнлин послушно сидел в стороне, закрыв глаза, словно в поисках покоя. Ли Циньцзюнь, прищурившись, испытывал смешанные чувства: ни радости, ни понимания. — Шэнь Мин, зачем ты убил Ло Фэя и Ци Сянга? — спросил Юй Шаоюан, имея общее представление о случившемся, но все же желая разъяснить детали. Шэнь Мин начал повествование о том, как эти двое велели своей группе расправиться с беззащитной деревней и присвоили себе лавры за убийства невинных. Вспомнив о кровавом акте мести, он стиснул зубы, мечтая повторить свой жест, чтобы окончательно удовлетворить свою ненависть. На этот раз с ним был Хэ Хао, ставший свидетелем трагедии в деревне Бэйтуо, и он заявил, что все должно быть доложено в суд. Юй Шаоюан глянул на Ли Циньцзюня, который, казалось, сочинял свои собственные мысли. Что он мог сказать? Если бы Янь Фупин вдруг лишился двух подчиненных, он бы, возможно, и обрадовался. Но ведь Шэнь Мин, свершивший это, тоже был из его восьмого батальона. В лагере произошла драка, и двое убитых оказались пленниками рук тех, кто безжалостно расправился со своими соплеменниками. Он догадывался, что после такого не сможет добиться благосклонности. — Это всё из-за Янь Фупина, дьявола, убившего тысячи меченосцев! — думал он с горечью. — Ты всё время говоришь, что мои подчиненные убили хороших людей и захотели себе награду, но ты же имеешь доказательства! Возможно, в Бэйтуо кто-то сдался врагу, и мои подчиненные, узнав об этом, убили его на месте! Лицо Янь Фупина побледнело: недавно он был серьезно ранен рукой Тана Мэнлина. Его оправдания звучали жалко, как у последнего бесстыдника. На лицо Юй Шаоюана прокралась тень отвращения, но он быстро скрыл её и, усевшись на трон, молчал. — Но убийство коллеги — это серьезное преступление! Его следует казнить публично! — не унимался Янь Фупин, чувствуя поддержку. Ли Циньцзюнь покачал головой, выразив командира удивленным взглядом: — Если Ло Фэй и Ци Сянг действительно расправились с деревней и убили наших людей в Даксине без причины, я считаю, что Шэнь Мин не виновен в том, что он сделал. Янь Фупин, размахивая руками, собирался продолжать, но внезапно его перебил четкий и ясный голос: — Как сложно выяснить, убивали ли эти двое деревню? Достаточно допросить их подчиненных — и истина станет ясна. Если маршалу Ю не удобно, я, как представитель Следственного управления, могу сделать это за вас. Тан Мэнлин блестяще заявила о своей поддержке, и Янь Фупин, услышав её, сдался: как бы он ни ценил своих подчиненных, ему не хотелось углубляться в это кровавое дело. Юй Шаоюан понимал намерение Тан Мэнлин, но не сердился. Он обратил внимание на Шэнь Мина: юноша, серьезно раненый, истекал кровью, полосы перевязок уже были просочены красным. — Шэнь Мин, разве ты хоть раз задумывался о последствиях своей беспечности? — спросил он. — Я никогда не думал о последствиях, но о том, что не убить этих двоих сегодня, — как раз думал! — ответил Шэнь Мин, не подавая вида, что настроен на уступки. — О? — заинтересовался Юй Шаоюан. — Какие же последствия этого злодеяния, если сегодня мы не убьем этих двоих? — Последствия таковы, что я буду презирать себя до конца жизненного пути! — его голос звучал уверенно, и резонанс его слов наполнил пространство. Тан Мэнлин повернула голову и с восхищением посмотрела на Шэнь Мина, почувствовав, что его доблесть и характер идеально соответствуют её ожиданиям. Юй Шаоюан был поражён. Он не ожидал такого ответа и, задумавшись, посмотрел на юношу: — Но жители Бэйтуо для тебя вовсе не родные, зачем же убивать Ло Фэя и Ци Сянга за них? Шэнь Мин немного помедлил, затем продолжил: — Если в мире есть несправедливость, нам не следует уйти от ответа; эти двое заслуживают смерти за расправу над своими же. Это важнее всего! И, во-вторых, Ло Фэй притеснял женщин в деревне, подвергал их насилию — он остался безнаказанным, и я понимаю, что к этому привела небрежность его начальства, которая и порождает бедствия. Собрание замерло, и слова Шэнь Мина эхом отразились в умах присутствующих. Его страстная речь меняла взгляды на происходящее, и даже Юй Шаоюан не

мог скрыть аплодисменты.— Уж не хотите ли вы сказать, что я очищаю недостатки своих подчиненных? — отозвался он в шутку. Шэнь Мин, отмахнувшись от замешательства, добавил:— Я не собирался вас оскорбить, просто среди войск есть недостойные служители, которые лишь на время отрываются от потребностей своей страны. Они подлежат казни! — вновь взглянул на Янь Фупина. — Да неужели ты уподобляешься тем, кто разрушает основополагающие ценности?— Разве ты не сравниваешь меня с безнравственными, Шэнь Мин? — не удержался от усмешки Юй Шаоюан, нынче совершенно поменяв свою позицию.— То, что я говорил, — это только истина, и пока глупцы находятся среди нас, они непременно должны быть наказаны. Знаешь, что наши возможности как армии зависят не только от миллионов солдат, но и от твердости нашей страны, ведь каждый тронет внутреннюю целостность, — с этим он снова посмотрел на Янь Фупина. Юй Шаоюан, думая о том, что ему следует проявить жесткость в вопросе соблюдения дисциплины, обернулся к Шэню:— Хотя Ло Фэй и Ци Сянг действительно заслуживают смерти за свою жестокость, вряд ли ты, Шэнь Мин, вправе сам на себя налагать приговор. Ты выходишь за пределы военной дисциплины и совершаешь нечто дерзкое! С этого момента ты лишен своей должности и будешь просто рядовым солдатом. Зал наполнился недоумением: Янь Фупин был в шоке. Просто так всё оставить? Да неужели двое подчиненных погибли напрасно?— Ли Циньцзюнь! — продолжил Юй Шаоюан. — Ты беззаконие превратил в привычку, убивая солдат и хвастаясь их заслугами! Ты получишь штраф в размере половины годовой зарплаты, и я приказываю строго расследовать солдат, которые участвовали в уничтожении деревни. Никто, кто причастен к убийству и истязанию невинных, не останется безнаказанным!— Я понял! — с воодушевлением ответил Ли Циньцзюнь. Более четырёхсот солдат, причастных к этой резне, служили Янь Фупину, и тот хорошо понимал, что без судебного разбирательства его карьера находится под угрозой. Один день — и он потерял двоих главнейших подчиненных и целый отряд. После того как Юй Шаоюан окончил разбирательство, стремясь удержать интерес, он задал Шэню Мину последний вопрос:— Ты совершил преступление и был изгнан. После всех этих столкновений, разве стоит возвращаться к тому, что потеряешь? Отвечай! Шэнь Мин долго смотрел в глаза Юй Шаоюану, подбирая слова. Наконец, его голос звучал четко и уверенно:— Если бы я только заботился о жизни своей страны, как мог бы я уклониться на пути своих несчастий? В лагере повисло молчание, и все были поражены глубиной этих слов. Тан Мэнлин, заново улавливая смысл, усмотрела в Шэне Мине наличие чего-то особенного. Юй Шаоюан был так впечатлён, что не мог прийти в себя ещё долго.